

Имущественная дифференциация и социальная  
мобильность крестьянства Зауралья  
(Ирбитская слобода, XVII в.)\*

Проблемы организации дореволюционного российского общества в целом<sup>1</sup> и крестьянства в частности<sup>2</sup> по-прежнему вызывают большой интерес исследователей. Однако при обилии собранных данных об имущественной и социальной стратификации (дифференциации) эмпирические исследования социальной мобильности все еще сравнительно немногочисленны. Особенно мало изучены изменения в имущественном положении крестьян на протяжении их жизни. Эту проблему рассматривали земские статистики при подготовке и обработке материалов «динамических переписей» в конце XIX — начале XX в.<sup>3</sup> Единственная историческая работа, содержащая эмпирические данные о мобильности среди крестьян, принадлежит И.Д. Ковальченко, который на материале подворных описей проанализировал эволюцию экономического положения 1686 дворов в 11 имениях Европейской Рос-

\* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

<sup>1</sup> Среди сравнительно недавних обобщающих монографий см: *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в): В 2 т. М., 2000; *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2009.

<sup>2</sup> Зажиточное крестьянство в России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. Статьи по данной тематике продолжают появляться среди материалов симпозиума, а также материалов конференций «Писцовые книги и другие массовые источники XVI — XX веков».

<sup>3</sup> Напр., см.: *Черненко Н.Н.* К характеристике крестьянского хозяйства. Изд. 2-е. М., 1918; *Хрящева А.И.* Группы и классы в крестьянстве. Изд. 2-е. М., 1926; *Куценко Г.А.* Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям — 1882 и 1911 гг. Чернигов, 1916; *Прокопович С.Н.* Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924.

сии в первой половине XIX в.<sup>4</sup> Обобщенные выводы относительно социальной мобильности в XIX в. нашли отражения и в работах Б.Н. Миронова<sup>5</sup>. Между тем вопрос об изменении имущественного положения крестьянских хозяйств XVII—XVIII вв. все еще почти не исследован. Цель данной работы — отчасти восполнить существующий пробел на основе документов Ирбитской слободы Верхотурского уезда за XVII в. Наиболее ранним источником, позволяющим судить о величине крестьянских пашен, является перепись 1642 г. К этому времени Ирбитской слободе было всего 10 лет. В слободе (это не только укрепленное центральное поселение, но и «тянувшие» к нему деревни) имелось 95 тяглых жеребьев<sup>6</sup>, держатели которых в сумме пахали 1036,5 дес. В Табл. 1 произведена группировка размеров «собинных» (т.е. личных) крестьянских роспашей в зависимости от давности верстания. Информация о времени верстания того или иного крестьянина, значившегося в переписи, почерпнута из именной книги 1641 г. В тех случаях, когда речь идет о крестьянах, пахущих опустевший жеребей другого крестьянина и не имеющих других земельных владений в слободе, в качестве времени верстания берется дата, относящаяся к первоначальному хозяину. Площадь жеребьев, принадлежащих одним и тем же людям, суммировалась, что привело к уменьшению общего числа жеребьев.

Сопоставим данные переписи Ирбитской слободы 1642 г. со сведениями дозора Михаила Тюхина (1624 г.) по Верхотурскому уезду, относящимися к подгородным,

<sup>4</sup> Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 356–366.

<sup>5</sup> Напр., см.: Миронов Б.Н. Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX – начала XX века // Проблемы развития феодализма в странах Балтики. Тарту, 1972. С. 156–183.

<sup>6</sup> Формально даже 96, поскольку «Савка Кокшар с товарищи» был записан в качестве человека, занявшего жеребьи отдельно Федора Федотова, отдельно Федора Калинина (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 294). Однако из именной книги следует, что оба Федора верстались совместно (Из крестьянской именной книги Верхотурского уезда 1640/41 года. С. 40). Поэтому фактически состоялось «воссоединение» жеребья.

Таблица 1

**Размеры роспашей с учетом времени верстания  
в ирбитские крестьяне их владельцев**

Пашня, десятины	Время верстания, год							Итого	%
	Первые поселенцы	1635/36	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41		
		Количество хозяйств							
Не более 9		1		1	17	24	6	49	54,4
От 9 до 18	8	2	2	3	4	1		20	22,2
От 18 до 27	7	3		1	4			15	16,7
От 27 до 53,3	5	1						6	6,7
Всего	20	7	2	5	25	25	6	90	100

Источники: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 281–298; Из крестьянской именной книги Верхотурского уезда 1640/41 года // Ирбит и Ирбитский край: Очерки истории и культуры. Екатеринбург, 2006. С. 37–41.

тагильским и невьянским крестьянам. В нем пашня записана по схеме: «в поле, а в дву по тому ж». Однако в данном случае эта формула, скорее всего, носит стереотипный характер<sup>7</sup>, и фактически документ, так же как и перепись Ирбитской слободы 1642 г., фиксирует этап переложного земледелия. Об этом свидетельствуют большие размеры пашен, их разбросанность в пространстве у отдельных владельцев. В среднем на двор приходилось 6,3 дес. при максимальном показателе 15 дес. в одном поле<sup>8</sup>. Наличие в ирбитской переписи группы хозяйств, заметно превышаю-

<sup>7</sup> Примеры, когда формула использовалась механически, см.: Шунков В.И. Очерки по истории колонизации // Вопросы аграрной истории. М., 1974. С. 109–110.

<sup>8</sup> Подсчет средней площади запашки осуществлен по фрагменту дозора: РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 202–237.

щих по своим размерам даже самые крупные из владений подгородных крестьян в 1624 г., и в то же время отсутствие в ирбитском документе формулы «в поле, а в дву по тому ж» позволяют предположить, что в данном случае площадь крестьянских пашен фиксировалась целиком, а не из расчета на одно поле. Тогда запашка ирбитских «рекордсменов» — Семена Алексеева Подкорытова с братьями (53 дес. с третью), Григория Петрова Новгородова (39,13 дес.) и Ивана Шипицына (37,88 дес.) — сопоставима с наиболее крепкими хозяйствами по дозору Тюхина (Рычко Иванов — 46,5 дес., Оксен Загайнов — 45 дес., Василий Жерноков — 37,5 дес. в сумме по трем полям)<sup>9</sup>. В то же время, можно видеть, что у большинства ирбитских крестьян запашка была гораздо меньше, чем «под городом» в 1624 г. Расчет средней площади пашни на Ирбите дает 11,3 дес., т.е. примерно 3,8 дес. в одном поле, в то время как средняя запашка по дозору 1624 г., как указывалось выше, — 6,3 дес. в поле.

Такое положение не удивительно, если иметь в виду, что подавляющее большинство крестьян, пахавших менее 9 дес., были поверстаны не ранее сентября 1638 г., т.е. на обзаведение у них было немногим более трех лет. По-видимому, именно трехлетний срок на Ирбите требовался для первоначального обзаведения. Среди тех, кто осел на Ирбите раньше (всего 35 хозяйств), средний размер надела составлял 19,6 дес., т.е. около 6,5 дес. в одном поле, что очень близко к среднему показателю 1624 г. Представляется, что это совпадение не случайно и связано с типологической близостью землепользования в старых поселениях в 1620-е гг. и в Ирбитской слободе в 1640-е гг. Оптимум первоначального освоения, который был достигнут в наиболее старых крестьянских поселениях к 1624 г., на Ирбите в 1642 г. оказался достигнут лишь крестьянами-старожилами, основная же масса, по-видимому, вышла на него к середине 1640-х гг.

<sup>9</sup> РГАДА. Ф. 214.. Кн. 75. Л. 282–283; Кн. 5. Л. 226 об., 232 об., 228–228 об.

Следующим по времени источником сведений о размерах крестьянских владений является дозор 1659 г. Он производился по инициативе тобольского воеводы И.А. Хилкова<sup>10</sup>. В отличие от переписи 1642 г., площадь указывалась по формуле «в поле, а в дву по тому ж», причем писалось, сколько и какого хлеба тот или иной хозяин посеял в качестве озими и яри. Кроме того, указывался размер покосов в десятинах.

Количество дворов с 1642 по 1659 г. выросло с 90 до 123<sup>11</sup>. Общая величина пашни составила 387 дес. в одном поле.

На Табл. 2 представлено распределение земельных наделов среди крестьянских дворов Ирбитской слободы (в графе «Посев» указана площадь двух фактически засевавшихся полей, т.е. яри и озими).

Таблица 2

**Распределение земельных владений  
среди крестьянских дворов Ирбитской слободы  
(1659 г.), десятины**

Посев	Всего дворов	%	Посев всего	%	Посев на двор	Покосов всего	%	Покосов на двор
1–2	23	18,5	44,0	5,7	1,9	94,8	7,3	4,1
2,5–3	11	8,9	30,6	4,0	2,8	53,5	4,1	4,9
4–5	31	25,0	131,0	17,0	4,2	231,0	17,8	7,5
6–8	33	26,6	230,1	29,9	7,0	401,6	30,9	12,2
9–12	18	14,5	207,0	26,9	11,5	290,0	22,3	16,1
14–20	8	6,5	128,0	16,6	16,0	230,0	17,7	28,8
Всего	124	100,0	770,7	100,0	6,2	1300,8	100,0	10,5

Источник: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215.

<sup>10</sup> Шунков В.И. Очерки по истории колонизации... С. 183; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 387. Л. 1.

<sup>11</sup> Коновалов Ю.В. Население Ирбитской слободы в первые годы ее существования (1632–1682) // Ирбит и Ирбитский край. Екатеринбург, 2006. С. 17–18. Кроме того, два крестьянина, несшие одно тягло, не имели своего двора. Поэтому число крестьянских хозяйств считается равным 124.

Из Табл. 2 следует, что в Ирбитской слободе в середине XVII в. преобладают пашни, площадью до 8 дес. в двух полях. Обращение к первичному материалу показывает, что чаще всего крестьяне пахали 2, 4 или 6 дес. Несколько меньшие «пики» приходятся на наделы 8, 10 и 12 десятин. В среднем на один двор приходилось 10,5 дес. покосов, т.е. большинство хозяйств было хорошо обеспечено угодьями. Лишь в семи хозяйствах оно было ниже, чем 1: 1, что считается минимумом для нормального обеспечения скота кормом<sup>12</sup>. Впрочем, нельзя забывать о том, что для получения высоких урожаев травы необходимо было менять места покосов. Согласно докладу Сибирского приказа, составленному в начале 1640-х гг., «на которых лугах сено летом косят, и на тех местах на другое лето трава бывает худа или не растет, и они косят на иных лугах или в дубравах»<sup>13</sup>.

Судя по дозору 1659 г., некоторые наделы оставались весьма крупными, однако большинство крестьян имело скромную запашку. Если сгруппировать данные, представленные в Табл. 2, так, чтобы они были сопоставимы с группировкой, принятой для переписи 1642 г. (Табл. 1), получатся следующие результаты: 65,9% против 53,8 в группе не более 3 дес. в поле; 27,8% против 22 среди владений более 3 дес. и не больше 6 дес. в одном поле. Наиболее резкие отличия в двух высших категориях: 4,8% против 16,5 и 1,6% против 7,7. Средний размер запашки составил 3,09 дес. в одном поле.

В переписи 1680 г. впервые учитывалось как мужское население двора (с указанием возраста неженатых), так и пашня с покосами. В слободе показаны 219 крестьянских дворов (в 1659 г. их было 123). Общая крестьянская запашка составила 644 дес. в одном поле

<sup>12</sup> Миллов Л.В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 288.

<sup>13</sup> Цит. по: Александров В.А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 52–53.

(в 1659 г. — 387 дес.). «Заложные, непаханные и выпаханые земли» были расписаны по деревням. На поселение могло приходиться от 7 до 105 дес. Общая площадь таких земель составила 646,5 дес.

Согласно данным источника, средний надел остался с 1659 г. практически неизменным — 3 дес. в поле; прежним был и наиболее распространенный надел — 2 дес. в поле. Доля хозяйств с маленькими наделами (до 1 дес. в поле), согласно переписи, даже уменьшилась. В Табл. 3 представлена группировка хозяйств Ирбитской слободы на 1680 г.

Обрывок переписи 1698/99 г., содержащий информацию о 26 дворах<sup>14</sup>, дает примерно те же основные характеристики, которые мы знаем по переписям 1659 и 1680 г.: средний размер надела — 2,94 дес. в поле и примерно то же соотношение крестьян с разными размерами пашен (см. Табл. 4). Количество покосов даже увеличивается — 223 копны на двор. К сожалению, этот фрагмент недостаточно велик для того, чтобы быть использованным для расчетов о мобильности крестьянских хозяйств.

Изучение величины крестьянских наделов в течение почти шести десятилетий позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на значительный рост плотности населения (сужавший выбор свободных земель) и выпашивание почвы (с одной стороны, также сокращавшей количество пригодных к пашне земель, а с другой — подталкивавшей компенсировать понижение плодородия повышением обрабатываемой площади), размеры крестьянских пашен сохраняли значительную стабильность. В это время уменьшается доля владельцев очень крупных наделов — наиболее резко в период 1642–1659 гг.; их удельный вес также уменьшился в 1680–1699 гг. А вот в 1659–1680 гг. общая доля крупных землевладельцев даже немного увеличивается, хотя практически исчезают владельцы особо крупных пашен — более 9 дес. в поле.

<sup>14</sup> РГАДА Ф. 1111. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–8.

Таблица 3

## Распределение пашни и покосов среди крестьян Ирбитской слободы, 1680 г.

Посев, десятины	Всего дворов	%	Всего душ обоюго пола	%	Всего посева, десятины	%	Посев на душу мужского пола, десятины	Покосов, копен	%	Семья, душ обоюго пола	Посев на двор, десятины	Покосов, копен
1 – 2	19	8,8	86	5,4	30,8	2,4	0,36	1625	4,4	4,5	1,6	85,5
2,12–3	25	11,6	124	7,7	69,0	5,4	0,56	2675	7,3	5,0	2,8	107,0
3,06–5,5	78	36,1	498	31,1	334,5	26,0	0,67	10575	28,7	6,4	4,3	135,6
5,62–8	42	19,4	328	20,5	279,2	21,7	0,85	8015	21,8	7,8	6,6	190,8
8,25–12	37	17,1	390	24,3	366,6	28,5	0,94	9545	25,9	10,5	9,9	258,0
12,06–20	15	6,9	176	11,0	208,0	16,1	1,18	4395	11,9	11,7	13,9	293,0
Всего	216	100	1602	100,0	1288,0	100	0,8	36830	100,0	7,7	6,5	178,3

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 574 об.–657 об.



Таблица 4

**Соотношение между различными по размерам  
запаски группами крестьянам**

Пашня в одном поле, десятины	1642 г., % от общего числа дворов (90)	1659 г., % от общего числа дворов (124)	1680 г., % от общего числа дворов (219)	1699 г., % от общего числа дворов (26)
0–1	27,6	17,4	8,8	11,5
1–3	32,7	48,5	47,7	53,8
3–4	6,1	11,4	19,4	19,2
4–6	12,2	16,7	17,1	11,5
6–9	15,3	4,5	6,5	3,8
более 9	6,1	1,5	0,5	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

*Источники:* РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 281–298; Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 574 об.–657 об.; Ф. 1111. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–8.

При этом доля средних наделов неуклонно росла, а доля нижней страты оставалась более или менее стабильной, демонстрируя заметное повышение лишь от 1642 к 1659 г., но затем практически возвращаясь на прежний уровень. Средний размер пашни в расчете на душу мужского пола также уменьшался весьма медленно: 0,9 дес. в одном поле в 1659 г., 0,79 дес. в 1680 г. и 0,78 в 1699 г.<sup>15</sup> В то же время следует иметь в виду, что указанная динамика относится лишь к окладной пашне. Представляется вероятным, что размеры дополнительных припашей, с которых взимался выделный хлеб, сокращались.

Таким образом, картину земледельческого освоения изучаемой территории можно представить следующим образом. В течение первых 20 лет условия жизни были особенно благоприятны: крестьяне свободно распахивали нужное им количество земли, забрасывая в перелог выпа-

<sup>15</sup> Показатель 1659 г. рассчитан по наложению дозора 1659 г. и переписи 1666 г. (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Книга поступлений. 12692. Л. 213–245 об.).

хавшиеся участки. По крайней мере, к началу 1650-х гг. оптимум первоначального освоения был пройден. Понижение урожайности заметно ухудшило положение крестьян. Однако после перехода на трехполье с сохранением элементов перелога им все же удавалось избежать дальнейшего ухудшения условий хозяйствования: размеры окладной пашни, распределение наделов с середины до конца века изменялись незначительно, хотя крестьянам надо полагать приходилось прилагать все больше усилий для изыскания подходящих для обработки участков.

Итог рассмотрения обобщен на Табл. 4. Из него следует, что подобно большинству изученных историками аграрных поселений XVI–XIX вв.<sup>16</sup>, на протяжении XVII в. в Ирбите преобладала группа средних хозяйств. Спецификой слободы, по сравнению с волостями Центральной России и Поморья, была сравнительно большая доля крупных и очень крупных хозяйств. В рассматриваемый период она сокращалась, однако довольно медленно.

Для изучения социальной мобильности потребовалось проанализировать изменения имущественного положения крестьян между двумя или более переписями. При этом представляется оправданным различать изменения, которые происходили на протяжении жизни одного дворовладельца (внутрипоколенная социальная мобильность), и то, насколько достигнутый крестьянином имущественный уровень удастся сохранить и преумножить его наследникам (межпоколенная социальная

<sup>16</sup> Ср., напр.: *Шапиро А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением. Л., 1987. С. 51 (группировка однодворных деревень Тверского уезда по размеру пашни, 1539–1540 гг.); *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976. С. 51 (Распределение земельных наделов у крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря, 1675, 1684, 1693 гг.); *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С. 74 (величина крестьянских тяглых наделов в с. Григорьевской Солотчинского монастыря, 1654 г.); *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство... М., 1967. С. 349 (сводные данные о соотношении имущественных прослоек в крепостной деревне первой половины XIX в.).

мобильность). Разграничить указанные явления важно с историко-антропологических позиций. Это позволяет не только определять тенденции социально-экономического развития, но видеть, как они проявлялись в жизни разных поколений поселенцев на Ирбите.

Переписная книга 1642 г., как было показано выше, зафиксировала крестьянское хозяйство на этапе переложного земледелия. Поэтому размеры пашен этого и более позднего периодов трудно сопоставимы. К тому же многие крестьяне лишь недавно поселились на данной территории, и их хозяйственное положение ко времени переписи еще не определилось. Как свидетельствуют данные Табл. 1, большинство хозяйств с относительно небольшой запашкой (1–9 дес.) приходилось на долю дворов, чьи владельцы поверстались в крестьяне не ранее, чем за три года до переписи. При этом некоторые из таких «новобранцев» уже в дозорной книге 1659 г. значатся среди наиболее зажиточных.

Исходя из этих соображений, на основании дозорной книги 1659 г. нами был проведен поиск тех хозяйств, которые в 1642 г. относились к числу наиболее крупных и, следовательно, уже в значительной степени сложившихся. К таким отнесены 24 двора, на которых было записано более чем 16 дес. земли. Хозяева 11 из этих дворов появляются и в дозорной книге 1659 г. В девяти случаях удалось установить преемников (детей, подрядчиков) тех хозяев, которые к 1659 г. ушли из слободы или умерли. Иногда у одного крестьянина было более одного преемника. Например, его тягло делилось между двумя сыновьями. В таких случаях анализировалось положение каждого из преемников.

Поскольку данные двух источников напрямую несопоставимы, изменение хозяйственного положения дворов определялось по их относительной состоятельности. Те из них, кто имел не менее 5 дес. в одном поле, считались сохранившими свое положение. Степень же ухудшения экономического состояния определялась не по класси-

фикации «бедный» / «средний», как это будет делаться в дальнейшем, а с выделением промежуточной группы «выше среднего» — с пашней более 3,5 дес., но менее 5 дес. в поле.

Таблица 5

**Изменения запашки крупных хозяйств  
от 1642 к 1659 г., десятины в одном поле**

Крестьяне	Не более 1,5	Более 1,5, но менее 3,5	От 3,5 до 5	5 и более	Итого
Дворовладельцы		2	2	7	11
Преемники	2	2	1	6	11
Итого	2	4	3	13	22

Источники: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 281–298; РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215.

Из Табл. 5 следует, что как большинству крупных хозяйств в 1642 г., так и преемникам первых хозяев удалось удержаться в числе крупных. Сокращение же размеров хозяйства в основном было умеренным.

Таким же образом, как это описано выше, но без выделения группы «выше среднего», были исследованы изменения в крупных хозяйствах (имевших более 3,5 дес. в одном поле), зафиксированных переписью 1659 г.

Из 28 семей, которые вели эти хозяйства, девять семей покинули слободу, и перепись 1680 г. не фиксирует их потомков; один дворовладелец перешел в ямщики и не учтен в 1680 г. по этой причине. Таким образом, доля неучтенных переписью 1680 г. составляет 35,7%. В 17 хозяйствах (чьи преемники записаны в 1680 г.) за прошедший период происходили разделы, поэтому общее число хозяйств-преемников увеличилось до 25.

Всего четыре дворовладельца, зафиксированных в 1659 г., продолжали вести хозяйство и в 1680 г. Все они сократили размер запашки, но лишь половина настолько, чтобы перейти в среднюю группу. Большинство дворовладельцев в 1680 г. — это сыновья прежних хозяев. Размер их хозяйства уже заметно чаще, чем в 1659 г., был меньше отцовского: в среднюю и низшую группы перешло больше, чем осталось в зажиточной (см. Табл. 6).

Таблица 6

**Изменения запашки крупных хозяйств  
от 1659 к 1680 гг., десятин в одном поле**

Крестьяне	Не более 1,5	Более 1,5, но не более 3,5	Более 3,5	Итого
Дворовладельцы	-	2	2	4
Преемники	4	10	11	25
Итого	4	12	13	29

Источники: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215; Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 570–657 об.

Из 57 дворов, входивших в среднюю группу в 1659 г., к 1680 г. с теми же хозяевами значатся 11 дворов. Еще у 22 дворовладельцев удалось выявить преемников (30 дворохозяев). Преемников жителей 24 средних дворов (1659 г.) по переписи 1680 г. надежно идентифицировать не удалось. Таким образом, доля выбывших или не идентифицированных средних хозяйств составляет 42,1%.

В отношении тех, кто остался, Табл. 7 демонстрирует картину очень близкую к той, что наблюдается в отношении крупных хозяйств. При жизни средний дворовладелец либо сохранял свое положение, либо (примерно с той же вероятностью) переходил к более крупному хозяйству.

Таблица 7

**Изменения запашки средних хозяйств  
от 1659 к 1680 гг.**

	Не более 1,5 дес. в поле	Более 1,5 но не более 3,5	Более 3,5 дес. в поле	Итого
Дворовладельцы		5	6	11
Преимники	7	9	14	30
Итого	7	14	20	41

*Источники:* РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215; Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 570–657 об.

Сокращение хозяйства до размеров мелкого было редкостью. Для его преемников такой сценарий уже был возможен, но все же преобладало сохранение достигнутого уровня или переход в число крупных хозяйств.

Согласно дозору 1659 г., пашню имели только хозяйства, вышедшие из льготы (новоприборные крестьяне ей еще не обзавелись и жили по чужим дворам). Это обстоятельство позволяет утверждать, что мелкие хозяйства были у действительно бедных крестьян, а не у тех, кто просто еще не успел развернуться на новом месте. Поэтому, проследив судьбу хозяйств с пашней не более 1,5 дес. в поле (34 дворовладельца), можно получить данные о социальной мобильности беднейших крестьян. Из них 20 покинули слободу вместе с потомством. Еще пять хозяев покинули слободу предположительно: выявить их в переписи 1680 г. не удалось, но отсутствие у них прозвищ не позволяет исключить возможности того, что их дети, продолжавшие жить в слободе, остались неузнанными. Имена многих из покинувших слободу обнаруживаются в росписи пострадавших от набега 1662 г.<sup>17</sup>

<sup>17</sup> РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 909. Л. 18–33

однако потери от него были не единственной и, вероятно, не главной причиной ухода. Еще до набега дополнительный оклад, произведенный в связи с переписью 1659 г., вызвал резкое усиление масштабов бегства. Так, некоторых ушедших (Андрей Суфрин, Наум Васильев, Клим Пшенишников и др.) удается обнаружить в списке беглых от «новонакладного» оброка (список был отправлен ирбитским приказчиком Моисеем Литвиновым в июне 1661 г.<sup>18</sup>). Представляется, что если для зажиточных крестьян уход из слободы не обязательно был связан с ухудшением материального положения<sup>19</sup>, то для бедных крестьян бегство, как правило, было связано именно с разорением<sup>20</sup>. Поэтому уже сам факт большей доли беглых крестьян среди крестьян с малым наделом (20 (25%) из 34 — 58,8 / 73,5%, в то время как у зажиточных 10 из 28 — 35,7%, у средних не более 24 из 47 — 42,1%) говорит о том, что беднейшим хозяйствам было сложно улучшить свое положение. В то же время, среди тех немногих, кто остался<sup>21</sup>, почти всем это удалось (см. Табл. 8).

Сопоставим приведенные данные со схожими по характеру (и значительно большими по хронологическому и территориальному охвату) подсчетами, проведенными И.Д. Ковальченко в отношении восьми крупных имений

<sup>18</sup> РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 16. Л. 78.

<sup>19</sup> Напр., о богатстве старших сыновей Степана Шипицына, перебравшихся в 1670-е гг. в Камышевскую (Камышловскую) слободу, свидетельствует тот факт, что в 1680 г. у них на три двора было семь купленных калмыков (*Шунков В.И. Очерки по истории колонизации... С. 49; Коновалов Ю.В. Население Ирбитской слободы в первые годы существования... С. 15–16*). Можно указать также на жалобы крестьян и администрации 1630-х гг. на то, что зажиточные крестьяне уходят в новые слободы (*Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVII века. М., 1972. С. 93...*

<sup>20</sup> Свидетельства бедности беглых см.: *Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 304–305*.

<sup>21</sup> К их числу отнесены также Роман и Герасим Фотеевы, бывшие в 1659 г. наемными работниками (ярыжками) у мельничного засыпки Матвея Пурегова. В 1666 г. значились среди новоприборных крестьян (а значит, не являлись чьими-либо подрядчиками) и жили на подворье у крестьянина Афанасия Буланова. Детей у них не было. Факт их бедности на момент начала хозяйствования не вызывает сомнений.

**Изменения запашки мелких хозяйств  
от 1659 к 1680 г., десятин в одном поле**

Крестьяне	Не более 1,5	Более 1,5 но не более 3,5	Более 3,5 дес.	Итого
Дворовладельцы	1	4	2	7
Преемники		2	2	4
Итого	1	6	4	11

*Источники:* РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 570–657об.

земледельческого профиля в Центральной России<sup>22</sup>. Для каждого из имений от описи к описи отслеживалось изменение хозяйственного положения каждого отдельного двора. Наличие трех и более переписей за менее чем полувековой период позволило исследователю анализировать встречаемость дворов в разных имущественных группах<sup>23</sup> в сумме по всем переписям, что более полно

<sup>22</sup> Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 356–366. В этой работе приводятся также аналогичные данные по трем промыслово-земледельческим имениям.

<sup>23</sup> Выделение имущественных групп производилось по степени обеспеченности скотом, при этом в зависимости от степени развития промыслов и наличия данных границы групп варьировались. Напр., в барщинных имениях (Никольское и др.) к бедным относились дворы, имевшие не более одной лошади, к средним – имевшие две – четыре лошади, к богатым – более пяти. А в Отрадинском имении Орловых-Давыдовых, где были развиты промыслы и имелись данные о коровах, к середнякам относились крестьяне с одной лошадей, если у них было более двух коров, а к зажиточным – двух – трех-лошадные дворы при наличии в них не менее четырех коров (Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 165). Таким образом, неодинаковые критерии выделения групп в разных местностях не являются основанием для отказа изучать в них социальную динамику.



характеризует процесс социальной дифференциации<sup>24</sup>. Тем не менее И.Д. Ковальченко приводит данные из начальной описи и о количестве дворов, зафиксированных в конечной описи, с указанием, как они распределены по имущественным группам. Для примера приведем данные по имению Гагариных в с. Никольском Рузского уезда (см. Табл. 9).

В качестве критерия отождествления дворов в разных описях при их анализе на ЭВМ (этот метод использовался для пяти имений) принималось наличие двух любых жителей (вне зависимости от пола) с одинаковыми именами и отчествами. В тех случаях, когда описи обрабатывались вручную, достаточным считалось наличие одного человека с одинаковым именем и отчеством при согласованности других показателей, например, возраста<sup>25</sup>. Судя по этим критериям, различия между дворами, сохранявшими одного хозяина, и дворами преемников не проводилось. Иными словами, если в начальной описи значился крестьянин, у которого числились три сына, старший из которых был женат, а в конечной описи — двор старшего сына с женой и малолетними детьми и двор двух младших неразделенных братьев, то оба двора считались идентичными отцовскому, поскольку в обоих случаях имелось два человека из прежнего состава двора (старший брат с женой; два младших брата). Поэтому при сопоставлении данных И.Д. Ковальченко с данными настоящего исследования целесообразно использовать суммарные, а не разделенные на категории «дворовладельцы» — «преемники» данные Табл. 3–6.

Из Табл. 9 следует, что устойчивость беднейших дворов была заметно ниже, чем средних и зажиточных.

<sup>24</sup> В 1990-е гг. это было подтверждено и математическими методами: *Бородин Л.И.* Стохастические модели в изучении социальных перемещений русского крестьянства в XIX в. // *Источник. Метод. Компьютер.* Барнаул, 1996. С. 107–112. Электронная версия: URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/imk/borod.shtml> (дата обращения 21.04.2009).

<sup>25</sup> *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство... С. 357.

Этот вывод подтверждается и данными других имений, но только тех, где первостепенную роль в хозяйстве играло земледелие<sup>26</sup>. Аналогичное явление было описано выше для Ирбитской слободы с той оговоркой, что степень устойчивости населения здесь была в целом заметно ниже, что объяснялось более широкими возможностями для миграции и освоения новых земель.

Таблица 9

**Движение дворов с. Никольского Рузского уезда  
(1818, 1830, 1841 гг.)**

Группы крестьян	В первоначальной описи	Все время оставалось в первоначальной группе	Остались в последней описи				
	Всего		Всего	в % первой описи	в I группе	во II группе	в III группе
I беднейшая	39	4	21	53,8	6	15	-
II средняя	71	27	59	83,1	12	43	4
III зажиточная	9	2	8	88,8	2	4	2
Всего	119	33	88	73,9	20	62	6

Источник: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 358.

Применимым на материале Ирбитской слободы оказывается и вывод И.Д. Ковальченко о том, что в земледельческой деревне среди тех бедных дворов, которые все же продолжали существовать к моменту последней переписи, большинство повышало свой имущественный уровень. Вероятно, следует принять и предложенное исследователем объяснение этого феномена: поскольку длительное существование мелкого земледельческого хо-

<sup>26</sup> Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 357, 361, 363.

зяйства было затруднено в силу его неустойчивости, выжидали преимущественно те, кому удавалось увеличить свою производительную базу<sup>27</sup>.

Существенным отличием социальной мобильности в Ирбитской слободе было преобладание тенденции к повышению размеров не только у мелких, но и у средних хозяйств, а также сохранение своего положения большей долей крупных хозяйств, чем в земледельческих имениях Центральной России. Изучение истории отдельных хозяйств (см. Приложение, где, насколько позволяют источники, приводятся данные об изменениях в хозяйстве нескольких первопоселенцев на протяжении всего XVII в.) подтверждает, что члены мелких хозяйств нередко ранее входили в состав более крупных, т.е. появление таких хозяйств связано с разделом сложной семьи. В то же время часть крупных хозяйств с расширенными семьями вырастала из нуклеарных семей за счет расширения простых: сыновья вырастали, но не отделялись.

Таким образом, гипотеза Б.Н. Миронова, высказанная в первую очередь в связи с социальной мобильностью внутри крестьянства XIX в., находит свое подтверждение и на материале Ирбитской слободы в XVII в.: попадание двора в определенную имущественную страту в значительной степени зависит от того, на каком этапе развития находится живущая в нем семья<sup>28</sup>. Доля крестьянских хозяйств, не изменивших свой размер между 1659 г. и 1680 г. составляет 34,5% от сохранившихся в слободе (28 из 81). Это косвенно подтверждает другую гипотезу Б.Н. Миронова — о том, что мобильность крестьянских хозяйств до XIX в. была еще выше, чем по данным И.Д. Ковальченко. Подсчитанная Мироновым доля хозяйств, не менявших статус за 20 лет, дает практически ту же величину (34%). Однако в данном слу-

<sup>27</sup> Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 363.

<sup>28</sup> Миронов Б.Н. Социальная мобильность и социальное расслоение... С. 161, 169–175; Он же. Социальная история России периода империи... Т. I. С. 128.

---

чае исследователь имел в своем распоряжении данные, по крайней мере, одной промежуточной переписи и в качестве стабильных учел только те хозяйства, которые сохраняли свой статус во всех переписях. По Ирбитской слободе промежуточные данные за 1659–1680 гг., отсутствуют. Если бы они имелись, из числа стабильных была бы исключена какая-то часть хозяйств, которые в указанный отрезок времени разрослись или обмельчали, но к 1680 г. «вернулись» в исходную страту.

Таким образом, данные о социальной мобильности внутри крестьянства в Ирбитской слободе в 1642–1680 гг. подтверждают мнение различных исследователей о том, что в дореформенной деревне расслоение не было обусловлено воздействием рынка и не носило устойчивого характера. Однако по сравнению с помещичьими имениями Европейской России XIX в.<sup>29</sup> на Ирбите в XVII столетии наблюдались более высокий уровень вертикальной мобильности (в сторону повышения размера хозяйства) и менее интенсивный переход к мелким хозяйствам. А это уместно связать с тем, что территория Ирбита была колонизована недавно и в рассматриваемый период крестьяне имели больше свободной земли и других возможностей для развития хозяйства, чем они не преминули воспользоваться.

\* \* \*

---

<sup>29</sup> Сопоставимые данные по другим территориям в XVII в., к сожалению, отсутствуют. Поэтому вопрос о том, насколько социальная динамика Ирбитской слободы была специфична по сравнению с другими регионами в XVII в., остается открытым.

## Приложение

1642 г.	Л.	1652 г.	1659 г.
Семейка Подкоры- тов с братею <sup>1</sup> 53,33 дес. пашни	282	Семейка (6, 2, 2) <sup>2</sup> ; Демка (2; 1; 0)	Семейка Алексеев сын Подкорытов [5; 3; 1] <sup>3</sup> ; [1; 0; 0] 7 дес. пашни, 50 дес. по- косов
Ивашко Шипицын 37,875 дес. пашни	282 об.– 283	(1; 1; 0)	Демка Иванов сын Шипицын [3; 1; 0] 6 дес. пашни, 40 дес. покосов
Степанко Шипицын 17,833 дес. пашни	292	(?; 4; 0)	Стенка Павлов сын Шипицын [4; 4; 0], [1; 0; 0] 6 дес. паш- ни, 15 дес. покосов
Игнашка Петров с братею 9 дес. пашни	283	два брата (4; ?; ?)	Петрушка Кондра- тьев сын Шмаков [3; 3; 0]; [7; 1; 2] 7 дес. пашни, 25 дес. покосов

<sup>1</sup> Имена крестьян приводятся в той форме, в какой они записаны в источнике.

<sup>2</sup> В скобках указывается общее количество сыновей, взрослые сыновья, подростки (в порядке перечисления). В именной книге 1652 г. это соответствует формулам «пашет» и «бороноволок». Для более поздних источников подростками считаются сыновья 12 – 14 лет, взрослыми – старше

### Изменения хозяйственного положения в хозяйствах представителей некоторых крестьянских родов

1666 г.	1680 г.	Л.	1699 г.
(5; 5; 5); (1; 1; 0)	Пашка Семенов сын Подкорытов (2; 1; 0) 2,87 дес. пашни, 40 копен	597 об.	
	Васка Семенов сын Подкорытов (1; 0; 0) 1,25 дес. пашни, 95 копен	598	
(3+2; 2; 1)	Микишка (2; 0; 0), Тараско (3; 0; 0), Ивашко (3; 0; 0) Дементьевы Шипи- цыны 5 дес. пашни, 500 копен	577 об.	Микишка Демен- тьев Шипицын (2;2;0) 2 дес. пашни, 300 копен покосов
			Тараска Дементьев Шипицын (3; 3; 3) 2,5 дес. пашни, 300 копен покосов
			Ивашка Дементьев Шипицын (5; 4; 0) 2 дес. пашни, 300 ко- пен покосов
Юрка, Левка (1+1; 1; 0), Митка (1; 0; 0), Лаврушка	Левка Степанов сын Шипицын (2+2; 2; 0), (2; 0; 0) 5,5 дес. пашни, 300 копен	606	
Игнашко Петров (3; 3; 0), Ивашка Петров (2; 1; 0), Петрушка Петров (2; 1; 1)	Игнашко Пет- ров сын Шмаков (4; 4; 0), (6; 1; 0) 5 дес. пашни, 500 копен	650 – 651 об.	Якунка Ульянов Шмаков (2; 0; 1), Михейко Ульянов Шмаков (1; 0; 0) 6 дес. пашни, 400 копен покосов

15 и женатые. При наличии наемных работников их число записывается со знаком + после числа взрослых сыновей. При наличии взрослых внуков они указываются отдельно таким же образом.

<sup>3</sup> В квадратных скобках приведены ретроспективные данные, полученные вычитанием 8-ми из возраста сыновей в переписи 1666 г.

1642 г.	Л.	1652 г.	1659 г.
Ивашка Дробинин 3,5 дес. пашни	296 об.	Филка, Тимошка, Ивашка, Трошка Дробинины	Трошка Иванов сын Дробинин [0; 0; 0] 1 дес. пашни, 15 дес. покосов
Офонка Речкалов 16,5 дес. пашни	292	нет дополнитель- ных данных	Афонка Трофи- мов сын Речкалов [3; 0; 1] 5 дес. пашни, 7,5 дес. покосов
Мишка Лиханов 16,458 дес. пашни	283	(6; 3)	Мишка Зенове- ев сын Лиханов [6; 2; 1] 3 дес. пашни, 15 дес. покосов

*Источники:*

Дозорная книга Ирбитской слободы 1642 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 281–298

Именная крестьянская книга Ирбитской слободы 1652 г. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 119. Л. 114 об.–130 об.

Дозорная книга Ирбитской слободы 1659 г. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 119. Л. 114 об.–130 об.

1666 г.	1680 г.	Л.	1699 г.
(1; 0; 0)	Трошка Иванов сын Дробинин (3; 2; 0) 2 дес. пашни, 200 копен		
(3; 2; 0)	Трошка, Мишка, Не- стерко Афонасьевы Речкаловы (1; 0; 0) 7,25 дес. пашни, 100 копен		
(6; 6; 0)	Гришка Михайлов Лиханов (2; 0; 0) 1,5 дес. пашни, 20 копен покосов		
	Ерофейко Ми- хайлов Лиханов (1; 0; 0) 2,25 дес. пашни, 100 копен покосов		
	Офонка Михай- лов сын Лиханов (4; 1; 0) 2,12 дес. пашни, 145 копен покосов		
	Стенка (1; 0; 0) и Петрушка Михайло- вы Лихановы 2,75 дес. пашни, 200 копен покосов		

Переписная книга Ирбитской слободы 1666 г. // Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Книга поступлений. 12692. Л. 213–24 5об.

Переписная книга Ирбитской слободы 1680 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 570–657 об.

Переписная книга Ирбитской слободы 1699 г. (фрагмент) // РГАДА Ф. 1111. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–8